

УТВЕРЖДЕНЫ
приказом ООО «Иркутская нефтяная компания»
от 14.08. 2009 г. № 103/00-П
(Дополнены в 2013 году)

**Правила поведения работников ИНК
в районах традиционного хозяйствования
коренного малочисленного населения и приравненных к нему
этнографических групп севера Средней Сибири**

Вводные замечания

В географическом отношении понятие Север Средней Сибири охватывает северные районы Иркутской области и Республики Саха-Якутии. Этнический состав современного населения этой территории представлен этнографическими (территориально-диалектными) группами эвенков и эвенов, до 1917 г. носивших собирательное название «тунгусы», группами северных якутов-оленеводов и потомками русских крестьян – поморов, освоивших эти земли в первой половине XVII века.

По современным этнографическим источникам, включающим материалы о языке, антропологии и архаичным (уходящим корнями в неолитическую эпоху) элементам материальной и духовной культуры (верования, обычаи и обряды культового характера, типы жилых и хозяйственных построек, методы хозяйственного использования возобновляемых природных ресурсов) эвенки и эвены считаются близкородственными, одними из группы так называемых «палеоазиатских» обитателей этих территорий.

Суровые, крайне неблагоприятные для эффективного ведения традиционных отраслей хозяйства русских старожилов и этнографических групп северных якутов (земледелие и животноводство), условия Севера явились решающим фактором, определившим как частичное, так и полное замещение этих видов хозяйства пушным промыслом, охотой на копытных (северный олень, лось) и рыболовством. Изначально и до настоящего времени добыча пушнины (соболя, белки, песца, лисицы) являются одним из основных источников денежных доходов этих народов, а зверовая охота и рыболовство рассматриваются в качестве наиболее значимых источников обеспечения основными продуктами питания.

Законодательными актами и постановлениями федерального, республиканского уровней и международным правом районы обитания перечисленных народов выделены в категорию особо охраняемых «Территорий традиционного природопользования», предусматривающих приоритетное право населяющих ее постоянных жителей как на хозяйственное использование всех видов угодий, так и активное участие в решении вопросов их промышленного освоения. Кроме указанных особенностей традиционного хозяйства (в том числе транспортного оленеводства, обеспечивающего оптимальные условия ведения добывающих отраслей хозяйства), охранной характер этих территорий обусловлен той ролью, которую естественная среда обитания этих народов выполняет в отношении сохранения и воспроизводства их этнической целостности и этнокультурного своеобразия.

До настоящего времени, несмотря на известные преобразования в жизни, быте и культуре северных народов», исконная среда их обитания воспринимается как «сакральное» (священное) пространство, соответствующего выражению «тайга – мой дом». Для городского жителя понятие «мой дом» ассоциируется преимущественно с замкнутым пространством уютной квартиры, за пределами которой расположен «чужой», а иногда и пугающе «враждебный» мир большого города, глухой тайги, бескрайней заболоченной ле-

сотундры. Как бы не был знаком с этой «внешней» средой бывалый геолог, нефтяник, или коренной житель Севера, это ощущение «чужого мира» преследует его на протяжении всей сознательной жизни. Быть может по этой причине, входящий в эту среду, вооруженный технологией и машинами человек чаще по недостатку знаний видит себя неким «покорителем дикой таежной глухомани», рассматривает природу как «безжизненное пространство», подлежащее «очеловечиванию» и преобразованию в место, достойное цивилизационным нормам XXI столетия.

Для коренного населения – эвенков, эвенов, северных якутов-оленьеводов, как и для русского старожильского населения, тайга и тундра до настоящего времени представляется **живым, чувствующим боль и раны на своем теле существом**. Земля и небо, вода и ее обитатели, всякое дерево, зверь и птица – живые существа, имеющие **свою душу**, склонные к тишине и покою и, потому, нередко мстящие тому, кто грубо вторгается в их привычный, размеренный, тысячелетиями складывавшийся уклад жизни.

Так, мифологические сюжеты фольклора эвенков, эвенов и, отчасти, северных якутов связывают происхождение всего живого на земле с **Энин Буга – матерью оленихой**. Полярная звезда – надежный ориентир бывалого таежника, представляется **«дымовым отверстием чума – жилища Сэвэки, хозяина «верхнего мира»**. Млечный путь – след мифического охотника **«Хэглэна»**, гонящего **«Небесного лося»**, которым представляется созвездие Большой Медведицы. В целом, этнографические материалы убедительно показывают, что коренные таежники прекрасно знали Звездную Карту и именно по ней в долгую полярную ночь прокладывали маршруты своих кочевий. Обширные и точные знания о закономерностях смены циклов весеннее-летнего «оживания» и осеннее-зимнего «умирания» природы, удивительное знание примет, по которым распознаются такие явления, как дождь-непогода, пурга, и солнечный день, сезонные местоположения основных видов промысловых животных, времени захода промысловых рыб в устья притоков больших рек и многие другие знания помогали коренным охотникам – оленеводам и рыбакам вести свое достаточно эффективное хозяйство, в полной мере обеспечивать большую часть своих нехитрых потребностей в продуктах питания и сырья для домашних ремесел.

Как и в русской волшебной сказке, ворон считается «мудрой птицей», а ее поведение в конце марта - начале апреля служит верным указанием охотнику где искать оленя и лося. Медведь – первый обитатель нарождающейся земли (Среднего мира в космогонии эвенков и эвенов) является одновременно и **хозяином нижнего мира – местом поселения умерших**, а волк – таким же охотником, как и человек. Одинокое стоящее дерево – вторая душа того или иного человека. Огонь в очаге и сам очаг – место обитания «женщины – хранительницы здоровья и благополучия семьи». Эти и многие другие мифологические представления коренных народов тайги и тундры отражают их удивительно богатый, мы бы сказали – поэтический, духовный мир.

Очевидно, учитывая такое отношение к природе эвенков и эвенов, северных якутов и русских первопоселенцев, первые ученые и пытливые бытописатели Сибири называли их «сибирскими аристократами», наделяли их такими эпитетами как «услужливы без раболепства, горды и смелы..., костюмы их напоминают костюмы испанских грандов». Удивительно точные знания о сокрытых и видимых природных богатствах, прекрасное ориентирование в незнакомых, необитаемых пространствах сибирской тайги и тундры, имели решающее значение для назначения представителей этих народов в качестве проводников этнографов, исследователей сибирской фауны и флоры, многочисленных геологоразведочных и картографических экспедиций. Практически в каждом кочевом стойбище и стационарном поселении эвенков и эвенов, якутов и русских старожилов в первые годы систематического изучения сибирских богатств можно было без особого труда отыскать местных «Улукитканов» и «Дерсу Узала», которые, в определенном смысле, стали перво-

открывателями современных месторождений алмазов, золота и других редкоземельных элементов, нефти и газа.

И последнее. Цель, ради которой писалась эта брошюра, в первую очередь состоит в указании на необходимость осознания читателем обязательно уважительного, терпимого отношения пусть к не совсем обычному, но освященному заповедями предков мироощущению этих народов. Безусловно, именно через такое отношение к традициям этих народов, соблюдение бытующих в их среде правил поведения пришлого человека (хозяина, но не безучастного покорителя) достигается та главная задача промышленных компаний по установлению обоюдовыгодных, партнерских отношений с населением Севера.

Участки местности и объекты повышенного внимания во время проведения поисково-разведочных и последующих видов работ

К таковым следует относить районы охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий (сезонные выпасы оленей и крупного рогатого скота), а также места и отдельные объекты культурного и ритуального назначения

К первой, подлежащих охране в качестве «территорий традиционного природопользования» категории, относятся участки угодий, осваиваемых и обустроенных несколькими поколениями членов той или иной родовой общины, группы родственных семей или членов отдельно взятой семьи. Охранные мероприятия, минимизирующие потери населения от производственной деятельности ИНК, включают обязательное согласование с местным населением мест расположения производственных объектов, вахтовых поселков, а также транспортных коммуникаций. При этом, следует по возможности исключать прокладку транспортных коммуникаций непосредственного в границах указанных территорий. Максимально исключать из сети коммуникаций объездов, разъездов для встречных потоков машин и тяжелого гусеничного транспорта, которые разрушают трудно регенерирующий покров угодий северной тайги и лесотундры. К этой же категории мер следует добавить максимально полный запрет пересечения тяжелым транспортом зимних нартенных и оленьих троп, по которым совершаются ежегодные кочевания охотников – оленеводов и на которых, чаще всего, устанавливаются ловушки на боровую дичь и пушных зверей.

Маршруты ежегодных перекочевок охотников-олeneводов, временные и стационарные стоянки и стойбища, как и аналогичные типы постоянных стоянок рыболовов, как в таежной, так и лесотундровой зонах, согласно устоявшимся традициям общественного договора членов той или иной «общины», закреплены за отдельными пользователями и считаются «родовыми владениями». На местности они привязаны к бассейнам боковых притоков крупных рек (Нижняя Тунгуска, Лена), проточным озерам и старицам. Для безоленных охотников-рыболовов ориентирами, определяющими границы индивидуальных угодий, являются как мелкие ручьи и речки, так и проложенные на местности геолого-геодезические профили и просеки лесоустроительных экспедиций.

Долговременные стойбища зимнего, осеннего и весеннего сезонов, ежегодно посещаемые семьями кочевых охотников-олeneводов обозначены на местности стационарными жилыми (типа зимовий) и хозяйственными постройками (рубленными из дерева амбарами на сваях, деревянными наземными настилами для хранения продуктов и снаряжения, амбаришками для хранения запасов ГСМ), а также запасами дров.

В таежной зоне такого рода поселения, как правило, огорожены изгородями из жердей. К жилому комплексу весенних и осенних стойбищ, примыкают огороженные пространства серии сезонных пастбищ - «огородов» (от 3 до 5 ежегодно сменяемых для сохранения оленьего корма – ягеля сезонных пастбищ). Повышенное внимание следует об-

ращать и на такие маркеры «обитаемого» пространства охотников-оленьеводов (в том числе временно покинутые места стойбищ и стоянок) как:

- полуразрушенные остатки прежних «оленьи огородов»;
- затесы на деревьях, указывающие направления движения охотников к местам охоты на копытных и пушного зверя, к местам сезонного лова рыбы и, возвращения на стойбище (временную стоянку);
- огороженные наклонно вбитыми в землю кольями летние кострища – дымокуры и навесы - укрытия для оленей;
- явно просматриваемые на поверхности следы регулярных проходов домашних оленей (тропы) во время сезонных перекочевок к очередным стоянкам бесснежного периода;
- следы вырубki деревьев в участках временно покинутых сезонных стоянок;
- расчищенные от подлеска и узкие просеки – «дороги» для проезда на нартах и снегоходах;
- аккуратно сложенные скопления спиленных оленьих рогов, поношенная обувь, вышедшая из употребления посуда, горизонтальные жерди – вешала, закрепленные на вбитые в деревья клинья.
- оставленные на месте (развешанные по периметру прошлой стоянки) мелкие бытовые вещи, оставленные постоянными обитателями «как память» о своем пребывании.

Столь же постоянными, читающимися на местности являются маршруты передвижений охотников, имеющих постоянное место жительства поселениях «русского типа» (районные центры, села и деревни). В границах индивидуальных охотничьих и рыболовных угодий обычно располагаются одно – два зимовья, от которых в радиальном направлении расходятся «путиki» - замкнутые на зимовье тропы, на которых устанавливаются пассивные орудия лова на пушного зверя и боровую птицу (капканы, пасти, кулемки). К этим местам привязаны сезонные (с ружьем и охотничьей собакой) виды промысла. Участки рек, связанные с регулярным ловом рыбы, как правило, маркируются каркасами временных жилищ (чумов), иногда, оставленными для следующего захода легкими лодками (плоскодонными деревянными «шитиками», «берестянками» - легкими лодками типа байдарки). Подобного рода стоянки распознаются по следам стационарных очагов-кострищ, с устроенными над ними приспособлениями для подвески посуды для приготовления еды и чая.

Все выше перечисленное служит для наблюдательного путешественника (геолога, нефтяника, водителя тяжелого транспорта), указание на то, что пересечение этой местности требует повышенного внимания и уважительного отношения к месту – «таежному дому» коренного населения.

К местам и объектам ритуального назначения принято относить отдельные выдающиеся на местности элементы ландшафта, в том числе:

- выделяющиеся на местности отдельные сопки правильной округлой формы;
- отдельно стоящие скальные останцы, которые могут в определенном ракурсе напоминать фигуры человека или зверя;
- скальные обнажения по берегам крупных рек и мелких притоков, а также скальные гряды, стоящие на водоразделах речных долин;
- одиноко стоящие высокие деревья, иногда расщепленные молнией или имеющие необычную форму кроны;
- старые брошенные поселения;

- открытые, свободные от леса участки тайги (поляны, безлесные возвышенности) с явными или слабо читаемыми следами регулярных присутствий человека (вырубки леса на полянах и возвышенностях; затесы на деревьях по периметру объекта; следы многократных кострищ, иногда обложенных каменными плитами; куполообразные и пирамидальные каменные выкладки);

- места проведения разовых и многократных шаманских и языческих ритуалов, обозначенные остатками жердевой основы чумов, изготовленными из дерева настилами, на которых и подле которых могут располагаться деревянные стилизованные изображения птиц, зверей и неких зооморфных существ;

- места коллективных захоронений (кладбища в районе старых поселений) и отдельные могилы в тайге.

Ритуально-культурное значения выделенных мест и объектов определено тем, что они по настоящее время могут активно использоваться местным населением для регулярного отправления календарных обрядов (поминок по усопшим предкам, сезонных ритуальных молебнов, праздников, шаманских обрядов и т.п. действий);

- являться объектами традиционного поклонения «духам-хозяевам» природы и промысловых животных;

- наконец, сакральными (запретными для посещения «чужими») пунктами, особо охраняемыми местами, несущими в себе «память» нескольких поколений носителей религиозно-исторических традиций местного коренного и русского старожильского населения. Большая часть из этих объектов, за исключением изображенных на скальных обнажениях петроглифов (рисунков), не включена до сих пор в перечень объектов «мирового культурного наследия». Тем не менее, для местного населения эти объекты являются священными и их частичное, тем более полное разрушение, безусловно, явится причиной конфликтов.

Для постороннего наблюдателя, не знакомого с обрядовой практикой местного населения (особенно эвенкийского и якутского) культовые объекты и места в условиях труднодоступной таежной местности, за редким исключением (например, действующие кладбища), на местности трудно различимы. Основное правило в этой связи состоит во внимательном осмотре местности в ходе проведения маршрутных разведочных работ, подготовки площадок для обустройства месторождений, прокладки транспортных магистралей (автодорог, лежневок, зимников, продуктопроводов). Следует особо подчеркнуть необходимость предваряющих производственные работы консультаций с местным населением на предмет возможности обнаружения культово-ритуального назначения.

Культовые объекты, как правило, располагаются в труднодоступных, окруженных густой порослью хвойных и лиственных древостоев участках в стороне от дорог и натоптанных троп. Маркерами (знаками), указывающими на возможность наличия в таежных массивах объектов культового значения являются:

- наземные надмогильные сооружения в виде рубленых из тонкого леса в виде шалаша срубов, сопровождаемые деревянными крестами, оградами из выложенных на земле в один венец рубленых или пиленых бревен;

- развешанный на деревьях, на специальных жердях - «вешалах» или выложенный на свайных помостах – «лабазах», рядом с надмогильным сооружением или без него «проводительный» инвентарь: металлическая посуда, одежда, бытовой хозяйственный инвентарь, инструменты и деревянные копии огнестрельного и колющего оружия. Явным признаком того, что обнаруженные предметы являются ритуальным подношением покойному является их сознательное искусственное повреждение; на наличие скрытого (находящегося в погребенном состоянии) погребения могут также указывать оставленные на де-

реве, на земле, на помосте «священные» части скелета животных (лапы и череп или клыки медведя, черепа и шкуры северного оленя);

- в отдельных (крайне редких) случаях погребения могут быть устроены в дуплах больших деревьев, в развилках ветвей или на устроенных на двух-четырех опорах (пеньках деревьев или столбах) деревянных дощаных (в полбревна колотых) настилах-помостах;

- безусловно, культовое значение имеют оставленные в развилках деревьев (кедр, сосна), на невысоких пнях или в дуплах, завернутые в прутья черепа медведя, лося, соболя; в данном случае эти находки являются знаками, указывающими на обряд реинкарнации (возрождения) добытого охотником зверя или на обряд подношения добытого зверя «хозяину тайги»;

- на наличие возможных местонахождений культовых мест часто указывают картографические материалы – названия речек и ручьев; например – гидроним **Чукиль** является явным указанием на то, что в этом месте было произведено ритуальное захоронение скелета медведя (эвенк. **Амака ~ дедушка, предок**) или **Гули ~ гулик** – могила, захоронение;

- маркерами места шаманских ритуалов («камланий») могут, кроме деревянных антропоморфных и зооморфных (изображающих человека или животное) изображений, являться остовы чумов, установленные в два ряда (в виде аллеи) срубленные тонкоствольные березы или лиственницы, грубо вырубленные на растущих вокруг поляны деревьях «личины» человека;

- иные ритуальные места (пункты жертвоприношений «хозяину места», «покровителю охотника») чаще всего располагаются возле одиноко стоящих скальных останцев, скальных обнажений, больших валунов. Как правило, на культовый характер места могут указывать: развешенные на рядом стоящих деревьях и кустарниках яркие лоскутки материи, стреляные гильзы и целые патроны, монеты, табачные изделия, аккуратно уложенные скопления винно-водочной стеклянной посуды и другие «подношения»;

- некий ритуальный смысл заложен в обычных на первый взгляд охотничьих зимовьях и продуктовых лабазах-хранилищах; среди оставленного охотником инвентаря и того, что непосвященному может показаться «мусором» (челюсти щуки, тайменя, лося, лапы медведя и т.д.) могут оказаться предметы сакрального (культового) значения, а само по себе оставленное охотником зимовье, с точки зрения местного населения, является прибежищем благоприятствующих или враждебных по отношению к постороннему «духов тайги».

Этичное, с точки зрения местного населения «порядочное» поведение постороннего (не включенного в традиционное природопользование) человека в тайге определяется двумя позициями. Первая - уважительное отношение к природе и, вторая – сохранение каких-либо следов деятельности древнего и современного человека, что подразумевает соблюдение правила – «не тобой оставлено – не трогай».

Как отмечалось выше с точки зрения коренного и русского старожильского населения таежные уголья и обжитая несколькими поколениями их предков тайга в целом являются второй по значению составной частью их представления о «родном доме». В соответствии с этим, нормальным считается тот человек, который не гадит в «доме», не оставляет в нем и вокруг него мусор, не захламляет «придомовую» территорию, не разводит где попало огонь, не позволяет себе поступки достойные вора или «слона в посудной лавке».

Баловством, недостойным для нормального, осознающего себя взрослым (даже если еще подросток) человека считается так называемая «спортивная стрельба по бутылкам», убийство птицы и зверя без особой на то нужды, бесцельное шатание по тайге (таких называют «шатунами») под громкое пение, свист, крики или в сопровождении музыкальных радиопередач. «Тайга тишину любит, беспокойному – мстит» - это правило поведе-

ния, известное каждому начинающему таежнику, соблюдается достаточно строго, особенно – в районах расположения культовых объектов.

Следующее правило, касающееся любого человека идущего по тайге можно характеризовать фразой – «Слепому и глухому и в городе, и в тайге худо; или машина задавит, или другая какая беда приключится». Думающий, внимательный человек в тайге вовремя, по известным приметам (смотри выше!) отметит место, к которому подходить из праздного лишь любопытства не только не следует, но иногда и опасно.

До настоящего времени местное население, в особенности старшего возраста (после 30 лет) достаточно трепетно относится к местам расположения перечисленных выше культовых объектов и священных мест. Каждый охотник или же идущий таежной тропой человек (ягодник, грибник, рыболов и т.п.) как правило, обходит стороной одиночные брошенные в тайге могилы, заброшенные жилые и хозяйственные постройки, древние наземные или наскальные «святилища» и прочие подобные места. К такому поведению его побуждает искренне убеждение в том, что брошенные человеком обжитые места и строения, как и объекты ритуальных действий, являются прибежищем потусторонних сил и враждебных человеку «духов», закрепленное с малых лет осознание того, что «беспокоить» могилы предков и места их обитаний – «большой грех». Исходя из этих соображений, полагают, что нарушителю этих правил поведения в тайге предстоит получить, как минимум общественное осуждение на собрании сельского схода.

Настоящий таежник без выбора, где попало, не остановится на ночлег или перекусить в пути, не разведет костер на моховище, в сухой траве или на торфянике. Место для костра очистит от веток, если есть возможность – обложит камнем, и, уходя от костра, обязательно зальет кострище водой или засыплет землей! Осторожное обращение с огнем – обязательное правило для курильщика. Не кури на ходу, выбери место для перекура и загаси спичку, окурок!

«Камень, дерево, каждая кочка и мочажина имеют свою душу» - рассуждает местный коренной житель. «Прежде чем срубить дерево, сломать куст, поставить ногу на землю – подумай об этом, нужно ли тебе так поступать! Рубишь дерево, на избу ли, на костер ли сухостоину, оставляй низкий пенек. Об высокий пенек сам споткнешься, зверь ногу поранит, лыжу охотничью или буранную обломаешь. Дорогу для вездехода чистишь или большую дорогу готовишь – лес по обочине не сваливай, другому человеку путь загородишь, зверю тропу завалишь».

Попутное, встреченное на охотничьей тропе чужое зимовье, лабаз (поднятое на опорах надземное хранилище продуктов и инвентаря) достаточно часто, даже в отсутствии хозяина, становится пристанищем или «пунктом снабжения» заблудившегося в тайге или запоздавшего путника. Такое событие, как и пользование всем оставленным в зимовье или лабазе имуществом (продукты, керосин для лампы, горючее для мотора, спальные принадлежности и т.п.) – рассматривается как рядовое, соответствующее принятому обычаю таежного гостеприимства и взаимопомощи. В то же время действует правило: попользовался вещью (чайник, топор, керосиновая лампа и т.д.) – не бросай где попало, положи туда, где взял. Ночью дрова пожог – утром сходи, наруби, оставь в зимовье вместе с берестяной растопкой; продукты поел, взял в дорогу чужой запас – оставь в зимовье (на лабазе) записку – благодарность хозяину, по возможности верни взятое. Составивший эту памятку убежден в том, что строгое соблюдения этих нехитрых, известных каждому выходящему в тайгу местному жителю правил явится залогом того, что работающему в тайге на хозяйственных участках территории «родовой общины» сотруднику Иркутской нефтяной компании удастся не только миновать возможные конфликты с местными жителями, но и завоевать у них уважительное, добрососедское отношение.

Впрочем, должен заметить, что всей совокупности правил «этичного» поведения в тайге и в «особых, культовых» местах перечислить невозможно. И, потому, напоследок последнее правило – прежде чем идти в **чужую тайгу, что-то в ней делать, поговори с местными жителями, посоветуйся!** Как говорится в народе – «за спрос не убьют, а уму научат. Постоянные контакты с населением всегда лучше поведения «вооруженного техникой нового хозяина – покорителя дикой природы».

Правила разработаны:

Отделом по связям с общественностью ООО «ИНК»

совместно с доцентом кафедры археологии,

этнологии, истории древнего мира

Иркутского госуниверситета М.Г. Туровым

и председателем «Союза содействия КМНС Иркутской области»

Н.Г. Вейсаловой.